

А.Б.Мороз

Фольклорные и этнолингвистические исследования на белорусско-русском пограничье: цели, задачи, методы и подходы¹

В течение нескольких лет коллектив ученых из Института славяноведения РАН и Российского государственного гуманитарного университета в тесном сотрудничестве с коллегами из Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси проводит исследование специфики традиционной культуры и языка белорусско-русского пограничья. Проект с российской стороны поддержан грантами Российского гуманитарного научного фонда №№11-24-01002 и 13-24-01003. В ходе проекта предполагалось (и предполагается) проведение полевых исследований на пограничье с целью выявления специфики этой этнокультурной зоны и особенностей общерусской и общеполесской традиции в ситуации границы.

Важными задачами полевых исследований представляется выявление наличия (или отсутствия) этнокультурной специфики пограничья в сопоставлении с русскими (западнорусскими) и белорусскими (восточнобелорусскими) регионами, особенностей самосознания жителей, их языка, фольклора, мифологии и принципов формирования идентичности.

Впервые сделана попытка описать структуру лингвокультурного пограничья, опираясь на данные языка, фольклора и традиционных верований, а также выявить характерные особенности именно культуры пограничья. Важной особенностью исследуемого региона является не просто его пограничное расположение, но тот факт что граница разделяет два близкородственных народа, входящих в общий этнокультурный континуум, говорящих на крайне близких языках (в особенности если иметь в виду не литературные языки, а диалекты пограничной зоны), имеющих постоянные контакты друг с другом и общий исторический фон.

При проведении полевых исследований нами ставятся следующие конкретные задачи:

1. Выявление специфических сюжетов нарративной фольклорной прозы белорусско-русского пограничья;
2. Выявление локальных особенностей актуальной мифологической системы (демонические персонажи, мифологизированные пространственные объекты) белорусско-русского пограничья;
3. Выявление региональной специфики обрядовой системы (с особым вниманием к календарной обрядности) белорусско-русского пограничья;
4. Выявление региональных особенностей в выстраивании идентичности (этнической, локальной), характерных признаков, лежащих в основе самосознания жителей белорусско-русского пограничья;
5. Выявление особенностей воздействия локальной идентичности на формирование устной исторической памяти и этноконфессиональных стереотипов.

Для достижения поставленной задачи нами были составлены рабочие опросники, использование которых позволяет придерживаться единого принципа интервьюирования всех информантов. Унификация методов полевой работы в свою очередь дает возможность использования "сетки" населенных пунктов и получения из них однотипной (не в плане конкретного содержания, а в плане единого подхода) информации. В результате такого подхода оказывается возможным описание географии распространения тех или иных фактов народной культуры и составления карт с нанесенными на них изодоками и изопрагмами².

Первый опыт полевой работы, построенной по изложенным принципам, был нами предпринят в июле 2013 г. Экспедиция в составе пяти человек обследовала ряд деревень Велижского района Смоленской области и сам город Велиж. Район был выбран неслучайно: пограничный статус этой территории на протяжении нескольких столетий подтверждался переходами из рук в руки, от государства к государству и из одной административной единицы в другую. Велиж и окрестности входили в состав Смоленского, а потом Торопецкого княжеств, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, нескольких губерний Российской империи: Псковской, Полоцкой, Витебской – и только в XX в. стали районом Смоленской обл. Это не могло не отразиться на идентичности местных жителей и – соответственно – на особенностях их этнокультурного диалекта. Вместе с тем район отчасти обследован этнографами и фольклористами на рубеже XIX-XX вв. [Добровольский 1891] и в конце XX в. [СМЭС], что не только дает нам сопоставительный материал, но и позволяет расширить полученный в ходе экспедиции объем материала.

¹ Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Ареальная структура белорусско-русского лингвокультурного пограничья: язык и фольклор» (РГНФ–БРФФИ 13-24-01003).

² Сходный метод использовался в ходе работы Полесской этнолингвистической экспедиции под рук. Н.И.Толстого [Толстые], а также Северной экспедиции РГГУ [Moroz], однако цели, которые ставились перед названными экспедициями, несколько иные.

Специфика региона нашла отражение в самосознании местных жителей и формах его выражения. Так, одним из наиболее распространенных текстов, которые произносятся в контексте разговора об особенностях региона, является следующая поговорка: *У нас петух на три области кричит* (Зап. от Климовой Н.С., 1929 г.р., Ритарёвой В.С., 1935 г.р. и Садковой Е.С., 1928 г.р., в д. Селезни А.Б.Морозом, О.В.Беловой, Н.В.Петровым, Н.С.Петровой и В.А.Комаровой). Приведенная цитата не единственная в своем роде, эта поговорка пользуется большой популярностью и может относиться как к трем российским областям (Смоленская, Псковская, Тверская), которые сходятся в этом месте, так и к соседней Витебской области Белоруссии.

Осознание специфики своего языка и этнической принадлежности, когда в этом есть необходимость, происходит через сопряжение или противопоставление понятий *русский* и *белорусский*, причем это противопоставление имеет не столько разделительный, сколько объединительный характер: *Екатерина была. [Екатерина?] Да. [А когда?] Через Велиж ехала. И назвала... назвала... ну, как, это... «велиж». Ну, как, гърить, назовут... Ина назвала. Гърить: «Как вляишь... как вляишь назвать...» Ну, с кем она там ехала, я ж не знаю, с кем она ехала. Ну... «Велиж». Ну, и назвали Велиж. [Место было безымянное, это она назвала?] Ина назвала, Екатерина, да. [А раньше никак не называлось?] Не знаю, как. Ну это ж было, город же был это, под поляками. Да. Полностью был под поляками этот город. Тогда... мы относились вообще к Белоруссии, туда. К Витебску. Туда, к Витебской губернии относились* (Зап. от Нилова А.М., ок. 1958 г.р., в г. Велиж А.Б.Морозом, О.В.Беловой, Н.В.Петровым, Н.С.Петровой и В.А.Комаровой).

Мы находились под властью Польши сто девяносто два года. Вот, на... например, мой дедушка уже не полный поляк. А прабабка моя, Марья Гавриловна Пирожинская, была полька. Но она уже обрусевшая была, потому что в тысяча пятьсот восьмидесятом гаду Стефан Баторий подошёл сюда, к Велижу, чтоб Велиж наш взять, это порубежный город был. За него Литва и Польша всё время, и Россия. Вот, это порубежный. И, как говорится, и втора... это, когда Наполеон шёл - это был левый фланг, и немцы шли - это тоже был левый фланг. Сюда шли тоже, танки, рота. Вот. Поэтому... там, Воловоўки, там тоже городище. Ну, вот там храм. Там два храма стояло. Храм... это, Крестовоздвиженский храм - это был летний храм. Но, в связи с тем, что у нас поляки... понятно? И белорусы, мы, в принципе, были белорусами. Ну, а когда паспортизация началась, тогда, как говорится... записали всех русскими (Зап. от Бордюкова А.Г., 1928 г.р., в г. Велиж А.Б.Морозом, О.В.Беловой, Н.В.Петровым, Н.С.Петровой и В.А.Комаровой).

Я... в армии когда отслужил я... когда в армии служил, у меня говор был, ну как белорусский почти. Как белорусы, так и я. [...] Вот. Яны мне и говорят: «Шо ты, бульбаш, что ли?» Я гърю: «Какей я бульбаш, - я гърю, - Смоленская облась. Какей - говорю, - бульбаш вам? [смеется]. Смоленская область» (Зап. от Нилова А.М., ок. 1958 г.р., в г. Велиж А.Б.Морозом, О.В.Беловой, Н.В.Петровым, Н.С.Петровой и В.А.Комаровой).

Примечательно, что в подобных нарративах постоянно делается попытка соотнести прежнюю ситуацию (административную, политическую, историческую) с нынешней, и отсылки к историческим событиям требуют обязательного "мостика" в современность. Так в одном из цитированных текстов сообщается, что при Екатерине Велиж входил в Витебскую губернию, то есть в Белоруссию.

Этнодиалектную специфику пограничья можно увидеть отнюдь не только в прямых рассуждениях информантов на тему принадлежности к тому или иному этносу, но и в региональных особенностях традиционной культуры. Анализ источников и полевых данных позволяет охарактеризовать особенность распространения тех или иных фактов народной культуры в виде очагов, а изучение микролокальных (очаговых) традиций на территории сопредельных районов России и Белоруссии показывает, что "фольклорный фонд" этих территорий оперирует сходными комплексами сюжетов и мотивов, которые, с одной стороны, могут представлять собой уникальные фольклорно-мифологические образования, точных соответствий и параллелей которым не находится в других регионах, с другой же - являют собой локальные варианты общеевропейских и восточнославянских сюжетов, но эти варианты имеют точную локальную привязку в пограничной зоне.

К первому типу фольклорно-этнографических фактов можно отнести представления о мифологических персонажах - *доброхожих*, или *тайных/невидимых людях*, о *заклятой земле*, о превращении проклятых детей в демонических персонажей или хтонических животных; мотив купальских песен "изгнание кошек". Распространение перечисленных фактов традиционной культуры в особых зонах указывает на их внутреннее единство и позволяет охарактеризовать как особый тип этнодиалектных очагов, которые, хотя и вписываются в более широкий контекст общерусской, общепольской, общевосточнославянской традиции, но обладают локальной спецификой. Границы распространения представлений о *доброхожих* (демонические существа, которые встречаются человеку по пути, обычно в лесу, помогают ему найти дорогу, определяют его дальнейшую судьбу, наделяют магическими знаниями или - в случае неправильного поведения человека - заводят в глубь леса и губят)

можно предварительно обозначить так: Гомельская, Могилевская, Брянская (в приграничных с Белоруссией Новозыбковском и Красногорском районах) [Лопатин 1992; Лопатин 2005; Лопатин 2008; Лопатин 2013: 36; Боганева 2009; Белова 2010], часть Смоленской обл., отголоски этих верований зафиксированы в Калужской обл. [Балашова 2013; Иванова 2013]. Границы эти очень условны, дальнейшее исследование позволит уточнить их.

Подлежит уточнению география распространения текста купальской песни с мотивом изгнания кошек. Предварительные данные указывают на юго-запад Псковской [НТКПО: 652] и Смоленской обл., а также на Витебскую и Могилевскую обл. Белоруссии. В ходе исполнения купальских ритуалов значительное место занимает мотив изгнания ведьм и защиты от них. При этом имеется весьма устойчивое представление о способности ведьмы оборачиваться в различных животных, в том числе в кошку [Виноградова 2000: 238]. Среди способов изгнания или отпугивания ведьм существует и ряд таких, которые направлены на изгнание, калечение или даже убийство кошек и др. животных, появившихся внезапно возле купальских костров [Виноградова 2000: 252-253]. В этом контексте и следует рассматривать региональный мотив купальских песен:

Сегодня Купала, завтра Иван.

Будет горе, мальцы, вам.

Погоните кошек ў поле,

Кошки на ёлки скакати,

А мальцы на кошек ругати.

Лезьте кошки с ёлок долой,

Мы погоним вас домой.

Дома будут вас доить,

Мальцам кашу варить.

Ешьте это мальцы, ня плюйте.

Лижите ложки, ня блюйте.

(Зап. от Версиной А.М., 1932 г.р., и Версиной Т.П., 1940 г.р., в д. Будницы Велижского р-на А.Б.Морозом, О.В.Беловой, и В.А.Комаровой).

Наши записи из Велижского р-на расширяют географию распространения этого мотива на территории Смоленщины; до настоящего времени мотив этот фиксировался здесь лишь sporadически, считался единичным и редким. Новые полевые материалы, подготовленные к печати в рамках работы по международному проекту, показывают его устойчивое бытование на белорусско-русском пограничье.

Среди широко распространенных фольклорных фактов, но которые имеют региональную специфику в белорусско-русском пограничье, можно назвать обряд "венчания коров" на Троицу. В 2011-2012 гг. В.В.Виноградов опубликовал две работы, посвященные распространенному на белорусско-русском пограничье троицкому обряду *венчания коров* [Виноградов 2011; Виноградов 2012]. Обряд распространен "на обширной территории: в его ареал входят западные районы Тверской обл., север Смоленской и юг Псковской обл. России. Подобные действия зафиксированы в Витебской обл. Республики Беларусь" [Виноградов 2012: 65]. В двух названных публикациях впервые дано системное описание обряда с анализом его деталей и локальных особенностей, однако этнографы и фольклористы обращали на него внимание и прежде. Мельком он был упомянут в работе Г.Г.Шаповаловой, которая зафиксировала его в Тверской (Калининской) обл. [Шаповалова 1977: 109]. Краткое описание обряда, где названы основные его компоненты, дано в "Смоленском музыкально-этнографическом сборнике" [СМЭС т.1: 330-332]. Обобщенное описание этого обряда в контексте славянской традиции украшать скот зеленью, дана в работе Т.А.Агапкиной [Агапкина 2002: 462-464]. Автор отмечает, что *венчание* скота в один из весенне-летних праздников характерно для восточных и западных славян, при этом у западных славян он приурочен преимущественно к дню св. Яна (Иван Купала), а у восточных (на белорусско-русском пограничье, на Кубани, в ряде регионов Украины и в западной Белоруссии) – к Троице. В термине *венчание* Т.А.Агапкина склонна усматривать аллюзию на бракосочетание, хотя, как нам кажется, никаких оснований кроме использования общего наименования для этого нет. Детальное описание обряда с выделением основных компонентов содержится в последней публикации В.В.Виноградова на эту тему – 2012 года. Тщательный анализ структуры обряда на богатом полевом материале позволяет выявить его локальные особенности и составить подробную картину его бытования западно-русских и восточнобелорусских областях.

Материалы, собранные В.В.Виноградовым и расширенные нами в ходе полевых исследований в Велижском р-не (у В.В.Виноградова нет материалов из Велижского р-на), позволяют выделить несколько важных компонентов обряда, из которых складываются микролокальные его версии:

1. Плетение венков: дата, материал для венка, требования к венкам, «венчание» (действие), «венчание» (термин), количество венков. Венки плетутся в Троицкое воскресенье, хотя в обследованном регионе этот день именуется *Духовым днем*, а *Троицей* называется понедельник. Плетет венки пастух, как правило, для каждой коровы в стаде. Основным

- материалом являются березовые ветки, хотя наряду с ними могут использоваться и ветки других растений, и цветы. Венки пастух старается надеть коровам на рога, но если корова оказывается строптивой и не дается, пастух отдает венки непосредственно хозяйке.
2. Возвращение с пастбища: действия пастуха, особенности передачи венка, словесные формулы, вознаграждение, действия хозяйки с венком, гуляния. По возвращении с пастбища венки с коров снимаются и вешаются на дом – для защиты от нечистой силы. Взамен хозяйки одаривают пастуха преимущественно съестным, хотя часто упоминается алкоголь и деньги. Затем устраивается всеобщее празднование.
  3. Хранение и дальнейшее использование венков: место хранения, время хранения, приметы, действия с венком в течение года. Венки висят на стене дома и не снимаются до следующей Троицы. Когда будут принесены новые, старые сжигаются или выбрасываются в навоз.

Полевые исследования белорусско-русского пограничья имеют большую перспективу, но уже имеющийся материал показывает единство его культуры, ее "особость", специфику на фоне восточнославянского этнокультурного континуума. Дальнейшие исследования предполагают расширение географии полевой работы, что, вместе с привлечением имеющегося опубликованного и архивного материала, позволит создать детальную картину этнокультурного членения исследуемой зоны и установить ее внутренние и внешние связи.

Литература

- Агапкина 2002 - Агапкина Т. А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.
- Балашова 2013 – Рассказы о русалках из поселка Бетлица / Публикация А.Ф. Балашовой // Живая старина. 2013. № 3. С. 16–17.
- Белова 2010 – Белова О.В. Фольклор брянско-гомельского и брянско-черниговского пограничья: диалог региональных традиций // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы. Материалы межгосударственной научной конференции 5–8 июля 2010 года (г. Брянск), приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде. Брянск, 2010. С. 27–32.
- Боганева 2009 – Боганева Е.М. «Харошыя былі людзі, толькі іх не відзеў ніхто» // Живая старина. 2009. № 4. С. 14–16.
- Виноградов 2011 – Виноградов В. В. Троицкое «венчание» коров (локальные варианты обряда) // Живая старина. 2011. № 3. С. 2-4.
- Виноградов 2012 – Виноградов В. В. Троицкое «венчание коров»: локальные варианты обряда (По материалам русско-белорусского пограничья) // Северобелорусский сборник: обряды, песни, наигрыши, плачи, ворожба. Сборник научных статей и материалов. Вып. I. СПб., 2012. С. 65-87.
- Виноградова 2000 – Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000.
- Добровольский 1891 – Добровольский В.Н. Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891.
- Иванова 2013 – Иванова А.А. «Петровская кила по зорям ходила...» // Живая старина. 2013. № 3. С. 7–10.
- Лопатин 1992 – Лопатин Г.И. О демонологической лексике в языке жителей Ветковского района // Гомельщина: Народная духоўная культура. Матэрыялы навуковай канферэнцыі. Гомель, 1992. С. 26–28.
- Лопатин 2005 – «Людзей жа нявідзімых столькі, сколькі відзімых». Белорусские мифологические верования о «доброхожих» / Публ. Г.И. Лопатина // Живая старина. 2005. № 3. С. 34–37.
- Лопатин 2008 – Лопатин Г.И. Из народной демонологии белорусско-брянского пограничья: доброхожие, невидимые и др. // Palaeoslavica. 2008. XVI/1. P. 183–217.
- Лопатин 2013 – Лопатин Г.И. «Ну усё раўно ты будзіш палезна людзям...» // Живая старина. 2013. № 1. С. 36–38. СМЭС – Смоленский музыкально-этнографический сборник. Тт. 1-3. М. 2003-2005.
- НТКПО – Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов Фольклорно-этнографического центра. В 2 т. Псков, 2002. Т. 2.
- СМЭС – Смоленский музыкально-этнографический сборник. Тт. 1-3. М. 2003-2005.
- Толстые 1983 – Толстые Н.И. и С.М. О задачах этнолингвистического изучения Полесья // Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. М., 1983. С. 3-20.
- Шаповалова 1977 – Шаповалова Г. Г. Майский цикл весенних обрядов // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами Л., 1977. С. 104-111.
- Moroz 2004 – Moroz Andrei. The Folklore Archive of the Russian State University for the Humanities in Moscow // Studia mythologica slavica, Ljubljana, 2004, VII. P. 175-179.